

УДК 398.22(=512.157):811.512.3'373
DOI 10.25587/g5223-4992-9053-u

Р. Н. Анисимов, Р. В. Корякина
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ЛЕКСЕМЫ-ИСТОРИЗМЫ ЯКУТСКОГО ЭПОСА, ИМЕЮЩИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ. ЧАСТЬ I

Аннотация. Из базы данных «Архаизмы и историзмы языка олонхо» (Свидетельство о регистрации базы данных № 2020622202 от 09.11.2020), составленной сотрудниками НИИ Олонхо СВФУ, было установлено более 100 лексем-историзмов, имеющих параллели в монгольских языках. Данная статья является первым этапом исследования этих лексем-историзмов и включает рассмотрение 21 единицы лексем-историзмов. Методом компьютерного поиска из 33 текстов олонхо нами выявлены семантические вариации и различные контексты использования историзмов в языке олонхо. Историзмы олонхо – это слова, вышедшие из употребления. Цель данного исследования – систематизировать историзмы олонхо и установить их параллели в монгольских языках, тем самым внести определенный вклад в прояснение вопроса об истоках формирования языка олонхо в развитие окладниковской формулировки «тюрко-монгольского» происхождения олонхо. Ценность историзмов, как аутентичного источника богатейшего и образного эпического языка, в котором аккумулированы исторические знания и жизненный опыт, многовековая народная мудрость, признается всеми исследователями. Данное исследование опирается на научных трудах С. Калужинского, В. И. Рассадина, Н. К. Антонова, Г. В. Попова, А. Е. Шамаевой и др. В результате проведенного исследования установлено, что: перечень якутских историзмов, имеющих параллели в монгольских языках, показывает, что они были употребительны во всех сферах жизнедеятельности людей того времени; семантика каждой из лексем-историзмов содержит в себе утерянный в наши дни целый пласт ценных знаний по истории, этнографии, мифологии, ритуальным обрядам народа; рассмотренные историзмы помогают глубже проникнуть и полнее представить эпическую картину происходящего, способствуют более детальному проникновению в исторические связи предков якутов с монголоязычным миром; данные лексем-историзмы воспринимаются современными носителями языка как собственно якутского происхождения, что однозначно указывает либо на древность проникновения данных монголизмов в язык олонхо, либо на их изначальное существование внутри одной из народностей-создателей олонхо. Перспективы исследования видятся в дальнейшей реконструкции фонда историзмов и архаизмов языка олонхо для внесения существенного вклада в решение проблемы происхождения олонхо.

Ключевые слова: олонхо; якутский эпос; историзм; архаизм; монголизм; монгольские параллели; язык олонхо; тексты олонхо; текстология; бурятский; монгольский; якутский.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках НИП № 2 СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

АНИСИМОВ Руслан Николаевич – с. н. с., и. о. директора Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: teployakutia@mail.ru

ANISIMOV Ruslan Nikolaevich – Senior Researcher, Acting Director of the Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: teployakutia@mail.ru

КОРЯКИНА Раиса Васильевна – ученый секретарь, с. н. с. Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: georgien17@mail.ru

KORYAKINA Raisa Vasilyevna – Scientific Secretary, Senior Researcher, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: georgien17@mail.ru

R. N. Anisimov, R. V. Koryakina

Lexemes-historical words of the Yakut epic with parallels in the Mongolian languages. Part 1

Abstract. From the database “Archaisms and historical words of the olonkho language” (Database registration certificate No. 2020622202 of November 9, 2020) compiled by the staff of the Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University (NEFU), over 100 lexemes-historical words with parallels in the Mongolian languages were identified. This article is the first stage of the study of these lexeme-historical words and includes the consideration of 21 units of lexeme-historical words. By the method of computer search from 33 olonkho texts, we identified semantic variations and different contexts of using historical words in the olonkho language. The historical words of olonkho are words that have fallen out of use (the names of the dwelling and its arrangement, utensils, clothing, animals, animal husbandry terms, religious beliefs, terms of social relations). The purpose of this study was to systematize the historical words of olonkho and establish their parallels in the Mongolian languages, thereby making a certain contribution to clarifying the question on the origins of the olonkho language and the development of the Okladnikov’s opinion on the “Turkic-Mongolian” origin of olonkho. The value of historical words as an authentic source of the richest and imaginative epic language, having accumulated the historical knowledge, life experience and centuries-long folk wisdom, is recognized by all researchers. This study was based on the scholarly works of S. Kaluzhinsky, V. I. Rassadin, N. K. Antonov, G. V. Popov, A. E. Shamaeva, and others. The conducted research revealed the following: the list of Yakut historical words with parallels in the Mongolian languages shows that they were used in all spheres of people’s life of that time; the semantics of each of the lexemes-historical words contains a whole layer of valuable knowledge on the history, ethnography, mythology, rituals of the people, which has been lost nowadays; the study allows looking deeper and more fully imagining the epic picture of what is happening, contributes to a more detailed insight into the historical ties of the ancestors of the Yakuts with the Mongolian-speaking world; these lexemes-historical words are perceived by modern native speakers as Yakut in origin, which clearly indicates either the antiquity of the penetration of these Mongolisms into the olonkho language, or their original existence within one of the ethnic groups creating the olonkho. The prospects of the research are seen in the further reconstruction of the pool of historical words and archaisms of the olonkho language to make a significant contribution to solving the problem of the olonkho origin.

Keywords: olonkho; Yakut epic; obsolete word; archaism; Mongolism; Mongolian parallels; olonkho language; olonkho texts; textual studies; Buryat language; Mongolian language; Yakut language.

Acknowledgements: The study was carried out as part of the NEFU research project “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Введение

Проблема происхождения якутского героического эпоса затрагивалась со времен появления первых работ по олонхо. В. Л. Серошевский [1], П. А. Ойунский [2], Г. В. Ксенофонтов [3] первыми обратили внимание на южное происхождение якутского эпоса, но, не привлекая достаточно веского доказательного материала. В 1955 г. будущий академик АН СССР А. П. Окладников предпринял специальное изучение проблемы и обнародовал вывод о том, что «якутское олонхо первоначально сложилось на юге, далеко от Средней Лены, в то время, когда у его создателей не было социальной почвы для оформления позднейших циклических эпосов типа “Манаса” и “Джангара”, но предки якутов и родственные им племена уже оставили далеко позади древний строй материнского рода и вступили в эпоху развитого отцовского рода. Оформление олонхо протекало в условиях тесных культурно-исторических связей и постоянного взаимодействия предков якутов как с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен, так и с древними монголами» [4, с. 267–277]. Вывод основывался на широком привлечении фольклорного материала и достоверных сведений предшественников.

Для изучения проблемы происхождения якутского героического эпоса олонхо вывод А. П. Окладникова имел важное значение, так как он обозначил два направления изучения историко-культурных корней якутского эпоса: тюркского и монгольского. В любом контексте это был шаг вперед. Но правильно высказанное рассуждение о связи возникновения олонхо с этногенетическими процессами не дало ответа на вопрос, какой из этих источников был

первичным, основным для формирования олонхо. Несмотря на это, вывод А. П. Окладникова был подхвачен эпосоведами и в работах по якутскому эпосу надолго закрепились формулировка о «тюрко-монгольском» происхождении олонхо. С тех пор прошло около 70 лет, и в развитие данного определения не внесено ничего нового.

Магистральной задачей в решении этой проблемы, на наш взгляд, является системная и полная реконструкция исторической лексики олонхо, чтобы в конечном итоге понять, какая языковая почва (тюркская или монгольская) преобладала в формировании богатого языкового арсенала олонхо. П. А. Слепцов, предварительно рассмотрев «информативную» группу слов (традиционные эпитеты, общие места, формулы, архаизмы, собственные имена) в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина, предположил, что сущность олонхо берет глубокие истоки в монголоязычном мире, так как наряду с тюркской архаической лексикой в олонхо обнаруживается большой пласт (около половины) тюрко-монгольских и собственно монгольских параллелей [5, с. 344–345].

Монгольские заимствования в якутском языке, как объект исследования, в том или ином объеме были в поле зрения у многих исследователей – О. Н. Бетлингга [6], В. В. Радлова [7], Е. И. Убрятовой [8], С. Калужинского [9, 10], В. И. Рассадина [11, 12], Е. И. Коркиной [13], Н. К. Антонова [14, 15], Г. В. Попова [16, 17], Н. Н. Широковой [18], С. А. Иванова [19], Нь. М. Иванова [20], Г. Г. Левина [21], А. Е. Шамаевой [22, 23, 24], Н. В. Малышевой [25, 26, 27], Я. Е. Старостиной [28], А. Е. Божедоновой [29] и др. Между тем, как отметила Е. Н. Афанасьева: «Многие вопросы остаются открытыми: отсутствует точный статистический (количественный) анализ (Е. И. Оконешников – 900 слов, С. Калужинский – 2000, В. И. Рассадин – 2500); отсутствует полная систематизация лексического материала; не разграничены ранние тюрко-монгольские заимствования от более поздних монгольских заимствований XII–XIII вв.; требует уточнения датировка времени влияния монгольского языка на якутский; не изучено влияние конкретных монгольских языков и диалектов на якутский язык. Одной из трудностей в решении вышеуказанных вопросов является недостаточность исторического материала» [30, с. 25–26].

Исторический факт существовавшего «когда-то» якутско-монгольского двуязычия, видимо, был неоднократным: 1) это, возможно, древние контакты тюркоязычных предков якутов ещё во времена, когда они проживали на «южной» прародине и тесно контактировали с монголоязычными этническими группами; 2) также можно предположить, что имеет место факт якутско-монгольского двуязычия, согласно распространенной теории о проживании на нынешней территории Якутии монголоязычных племен до прихода тюркоязычных предков якутов; 3) и очевидно, что якутский язык достаточно продолжительное время взаимодействовал с бурятским языком.

В решении вышеперечисленных вопросов и уточнения различных гипотез монгольского участия в этногенезе саха (якутов) очевидную ценность имеет язык эпических памятников, представляющий собой аутентичный источник богатейшего и образного эпического языка, в котором аккумулированы знания и жизненный опыт, многовековая народная мудрость. Якутский народ в течение многих веков идентифицировал себя с этой живой традицией, черпая в ней духовную силу.

Как пишет Э. Р. Тенишев: «Язык фольклорных произведений устойчиво сохраняет старые черты как наддиалектного, так и диалектного типов. Язык <...> фольклора почти не исследован. Необходимо систематическое изучение языка <...> эпоса и произведений фольклора, разработка методики такого исследования» [31, с. 123]. На наш взгляд, наиболее продуктивным для решения этой задачи является установление так называемых «темных мест», т. е. архаизмов и историзмов, «обладающих большой информативностью» [5, с. 344].

Объектом нашего исследования выбраны историзмы (архаизмы) олонхо – слова, вышедшие из употребления, связанные, в первую очередь, с жилищем и предметами утвари, одеждой, животными, животноводством, религиозными представлениями, социальными отношениями. Можно предположить, что данные лексемы употреблялись носителями языка в различные исторические эпохи существования якутско-монгольского двуязычия и были введены сказителями в лексический фонд олонхо. В наши дни в них хранятся фрагменты, «отголоски» древних времен.

Цель данного исследования – систематизировать историзмы олонхо и установить их параллели в монгольских языках, тем самым внести определенный вклад в прояснении вопроса об истоках формирования языка олонхо.

Лексемы-историзмы, имеющие параллели в монгольских языках, выявлены из Базы данных «Архаизмы и историзмы языка олонхо» (Свидетельство о регистрации базы данных № 2020622202 от 09.11.2020), составленной сотрудниками НИИ Олонхо СВФУ [32].

Методом компьютерного поиска в сформированном нами фонде текстов олонхо установлено 21 лексема-историзм, выявлены их семантические вариации и различные контексты использования в следующих эпических памятниках: *текстах центральной традиции* – 1) «Нюргун Боотур Стремительный» (П. А. Ойунский) [33]; 2) «Мюльджу Бёгё» [34]; 3) «Мюлджуёт Бёгё» [35]; 4) «Ала Булкун» [36]; 5) «Юрюнг Юёдюээн» [37]; 6) «Нюргун Бёгё» [38]; 7) «Даадар Хара» [39]; 8) «Алаатыр Ала Туйгун» [40]; 9) «Хангалас Боотур» [41]; 10) «Кулун Куллуруур» [42]; 11) «Юёлэн Кырджыт» [43]; 12) «Ёлбёт Бэргэн» [44]; 13) «Кыыс Дэбилийэ» [45]; 14) «Уордаа Хаан» [46]; 15) «Аландаайы-Куландаайы» [47]; 16) «Эрэбил Бэргэн» [48]; 17) «Дырай Бэргэн» [49]; 18) «Тойон Нюргун» [50]; 19) «Хара Нюргун» [51]; 20) «Тамаллаайы Бэргэн» [52]; 21) «Буура Дохсун» [53]; 22) «Сын Лошади Дырай Бэргэн» [54]; 23) «Джырыбына Джырылыатта» [55]; *текстах вилуйской традиции* – 24) «Улуу Даарын» [56]; 25) «Ого Джулаах» [57]; 26) «Кёр Буурай» [58]; 27) «Адаам Саар» [59]; 28) «Тюмэн Тююрэй» [60]; 29) «Хабытта Бэргэн» [61]; *текстах северной традиции* – 30) «Хаан Джаргыстай» [62]; 31) «Кыыдааннаах Кыыс бухатыр» [63]; 32) «Кёнтёстёй Бёгё» [64]; 33) «Мас Батыя бухатыр» [65]; 34) «Эрбэччин Бэргэн» [65]. Следует отметить, что данный программный метод упростил и ускорил процедуру лингвистической обработки большого массива эпических текстов.

1. Историзмы-названия животного мира

1.1 Луо балык ‘громадная рыба-дракон’

В якутском языке слово **луо** означает «громадный, могучий». Обычно встречается в языке олонхо при обозначении мифологического животного Нижнего мира **Луо балык**: *Тобус тороко тиистээх Луо хаан балык* ‘Почтенная рыба-дракон с девятью уцелевшими зубами’ [66, стлб. 2741]. Как считают фольклористы, рыба в эпосе является самым архаичным образом в порождении образа Дракона. Эволюционный процесс происходил от рыбы → ящера → птицы и т. д. [67, с. 182].

Так, в олонхо «Мюльджу Бёгё» (Усть-Алданский улус) описывается море Нижнего мира – Ютюгэн, где водятся рыбы-драконы **луо балык**: *Уолах тиит саба оботтоох луо балыга өрө адаарыһан үөскээбит <...> уордаах уоттаах байбал үтүкэт диэн ол буолар*. ‘Величиной с большую толстую лесину ненасытных **рыбин Луо** развелось <...> в этой огненной неистовой пучине Ютюгэн, говорят’ [34, с. 344].

В олонхо «Ала Булкун» (Амгинский улус) богатырь Нижнего мира абаасы Тимир Багырыс имеет жердь из костей **луо-балык**: *Тобус тороко тиистээх луо хаан балык үтүмэхтээх этим*. ‘Была у меня жердь, сделанная из девяти кривых зубов **луо-балык**’ [36, с. 88].

В северном среднеколымском олонхо богатырь Срединного мира Мас Батыя вовсе превращается в **железную рыбу-дракона** в поединке с другой железной рыбой-драконом Нижнего мира: *Бу истэбинэ биир иннинэн-кэннинэн сэлгизхтээх, төттөрү-таары хадайдаах тимир луо балык утары көрсө түстэ. Маны көрөөт, Мас Батыя эмиз төттөрү-таары сэлгизхтээх тимир-луо балык буолан утары хайыста*. ‘И тут попалась ему навстречу железная **рыбина Луо** с плавниками снизу и сверху, с острями спереди и сзади. Завидев это, Мас Батыя вмиг обернулся в такую же **железную рыбину Луо** с плавниками снизу и сверху’ [65, с. 118].

В другом северном олонхо «Кёнтёстёй Бёгё» (Булунский район) встречается второстепенный образ старухи **Рыба Ёлюю Луо**, живущей на краю Южного неба. В сюжетной линии олонхо она 1) крадет дочь сестры главного героя; 2) учит небесную девушку айыы Сэрэлимэн Куо волшебству [64, с. 202–203]. Таким образом, **Луо балык** ‘рыба-дракон’ в олонхо является устойчивым и распространенным образом в эпической системе якутов.

Слова **луу, улу, луг** в значении ‘змея, дракон’ известны как в монгольских, так и в тюркских языках: х.-монг. **луу**, калм. **лу**, стп.-м. **луу** ‘дракон’ [12, с. 555], уйг. **лу, луо, лон**, чагат. **луй йылы** ‘год дракона’, с.-юг. **лу, улу, олу** ‘дракон’, тув. **улу** [68, с. 318], туркм. устар. **лув** ‘рыба’ [16, с. 70].

Эти тюркские и монгольские слова-обозначения ‘дракона’, по всей видимости, относятся др.-кит. *loŋ*, ср.-кит. *lōny* ‘дракон; император; императорский; высочайший’, кроме того зафиксирована интересная деталь *loŋ* – это «неизвестный город, где, согласно Ши цзи и Хань шу, предводитель сюнну (многими исследователями считается предками древних якутов – Р. А., Р. К.) каждый год собирал свой двор и устраивал важные жертвоприношения (совр. чтение *long*)» [69, с. 84].

Как отметил В. И. Рассадин, бытование слова *луу, улу, лун* в современных тюркских и всех монгольских языках связано с названием 5-го года 12-летнего животного цикла (календаря) [12, с. 555]. В традиционной культуре якутов данный календарь по животному циклу отсутствует или подзабыт в очень давние времена.

Е. С. Сидоров считает также якутское *луу* заимствованием наших предков из китайского языка [70, с. 18]. При этом С. Калужинский якутскую лексему *луу* относит к монголизмам [9, с. 53]. Как нам кажется, мифологема *луу* ‘дракон’ привнесена в якутский язык предположительно через «какой-то» монголоязычный источник-посредник. По одной версии другой образ змея-дракона в олонхо (*Алын Могойдоон*) происходит от якутского слова *мобой* ‘змея’, которое считается очевидным монголизмом < монг. *moγai*, калм. *moγǎi*, х.-монг. *mogē* ‘змея’ [9, с. 41].

1.2 Тэбиэн ‘верблюд’

Как считают исследователи, якутская лексема *тэбиэн* ‘верблюд’ – очевидный монголизм. По мнению А. В. Щербак, якутский *тэбиэн* или *хоро тэбиэн* (верблюд) является поздним заимствованием от древнемонгольского *темеген* (верблюд) [71, с. 104]. Схоже также с бурятской лексемой *темеен* ‘верблюд’ [66, стлб. 2611]. У общетюркской лексемы *deve* ‘верблюд’ произошёл внутренний семантический (механический) сдвиг → *таба* ‘олень’. Как правило, у представителей огузских языков все гласные слова переходят в заднерядные, как в *‘tanry, taγara, taγara’* [72, с. 327].

В языке олонхо историзм *тэбиэн* ‘верблюд’ встречается в следующих случаях:

1) как еда, пища людей Среднего мира: *Куобах кыылтаҥ тэбиэнигэр дылы тоҕус кулугуулаах сул туос остуолга аҕалан хоторон тус иннилэригэр туора тардан кэбистилэр*. ‘На стол с девятью защелками-запорами, покрытый чисто-белой берестой, сплошь выставили мясо на любой вкус от зайчатины до верблюжатины прямо перед ними’ [34, с. 44];

2) как страна верблюдов, откуда приезжает богатырь айыы: *Уоку-чуоку сураххар эттээх атым ыран, эдэр бэйэм кырдьан, тэргэн ый тимэбиттэн тэбиэн дойду энэриттэн нэһишлэкэ кэллим*. ‘К славе твоей великой – конь мой сильный исхудал, молодой я состарился, с луны полной самой вот так долго ехал, из страны верблюдов дальней еле приехал’ [36, с. 124];

3) как средство передвижения богатырей абаасы: *Хоро тэбиэн аттаах Ытык Кыйбырдаан дизэн киһи күтүөт буолан кэлиэбэ баар этэ*. ‘Ожидали прибытия жениха – (богатыря абаасы) Ытык Кыйбырдаана верхом на верблюде’ [62, с. 69]; *Ус хос тимир эһээгэ түүлээх тиистииҥ килэйэр тимир тэбиэн кыыл аттаах* ‘Верхом на железном верблюде с хищным оскалом, с всклокоченной железной шерстью в три слоя’ [56, с. 216];

4) в составе эпической формулы времени: *Биир тэргэн ый саҕатыгар, тэбиэн күн өтүөтүгэр* ‘В начале полнолуния, в середине дня тебен (верблюда)’ [37, с. 39]; *Тэргэн ый ыпсыытыгар, тэбиэн дьыл билиитигэр* ‘на исходе полнолуния, в начале года тебен (верблюда)’ [38, с. 84]; *Тэбиэн дьылым ыпсыытыгар, тэргэн ыйым билиитигэр* ‘На исходе года тебен (верблюда), в начале полнолуния’ [38, с. 182].

Как отметил Е. С. Сидоров, данные эпические формулы в олонхо встречаются часто, семантика *тэбиэн* ‘верблюд’ свидетельствует о древних связях предков якутов с народами Средней и Центральной Азии, для которых верблюд символизировал культ солнца [73, с. 15]. По мнению историков-этнографов, в раннем железном веке двугорбый верблюд был тотемом некой группы ираноязычных кочевых племен, живших на территории степей Казахстана, прилегающих районов Средней Азии, и, возможно, Южной Сибири [74, с. 119]. Видимо, через эту группу ираноязычных кочевых племен в духовной культуре народов Средней Азии был распространён образ священного зверя верблюда, связанный с культом солнца. Возможно, якутское выражение *тэбиэн күн / тэбиэн дьыл*, связано с ними через «какой-то» монголоязычный источник-посредник. Также не исключено, что оно связано с зороастрийским

(солнечным) календарем, в котором образу тотемного верблюда отведено отдельное исчисление (год верблюда);

5) в составе эпической формулы времени Сотворения мира: *Тэгэл ийэ дойдум тэбиэн кыыл тилэбин түүтүн курдук тэнийэн-тэлгэнэн испитэ үһү*. 'Дальние края страны моей начали расширяться-растягиваться подобно **шерсти на ступне верблюда**' [39, с. 24];

6) часть тела верблюда как деталь боевого оружия: *Тэбиэн кыыл* *изнин инширэ киристээх* 'С тетивой из брюшной мышцы **верблюда**' [40, с. 93]; *Тэбиэн кыыл тэбинэр уллунун унуобун курдук тимир болгуо сүллүгэстээх* 'С грубой железной колотушкой, похожей на ступаную кость **верблюда**' [40, с. 320];

7) как образ сравнительной словесной конструкции: *Улуу Мангаас сыһыым дьоллоох булунар, дьогдьойор саалыгар тэбиэн оботун курдук тihэнгэлэрдээх*. 'С подобными **верблюдам** – трехлетними телятами на прекрасной возвышенности долины моей Улуу Мангас, в выступающей середине её' [56, с. 29]; *Тэбиэн кыылы тэннээн көрдөххө түөн саба буолан чүөчэйэн көстөр ньэлэмэн тиэргэннэннэ*. 'По сравнению с **верблюдом** на моксу смахивающее появилось шаткое широкое подворье' [41, с. 49]. Как верно заметила С. Д. Львова, «образы для сопоставления никогда не подбираются случайно или приблизительно, они хорошо знакомы и сказителю, и слушателям, а состав образов сравнений отражает реальный мир, в котором живет народ-носитель эпоса» [75, с. 136].

Таким образом, лексема *тэбиэн* в якутском олонхо является отголоском тех исторических времен, когда предки якутов тесно контактировали с народами Средней Азии, также, можно предположить, что она привнесена в тюркоязычный язык олонхо через монгольский источник.

2. Историзмы, обозначающие социальные отношения

2.1 *Өлбүгэ* 'ясак, дань, подать'

В словаре Э. К. Пекарского у якутского историзма *өлбүгэ* отмечено два значения: «1) ясак, дань, подать; общегосударственные подати и повинности; тягло (полная подать на землю). 2) тягло (мера земли); пай, надел (удел) земли (ср. өлүү), земельный надел (большой, средний, малый); надельный сенокосный пай, надельная единица (там, где покосы оцениваются на возы)» [66, стлб. 1929]. М. Рясянен якутскую лексему *өлбүгэ* возводит к монгольской *өглигэ* 'дань, подношение' [68, с. 371].

В олонхо обычно данью (*өлбүгэ*) облагают жители Нижнего мира (богатыри-*абаасы*) жителей Верхнего мира или небесные богатыри-*абаасы* всех жителей трех миров: *Үөһээ бөбөнү өлбүгэнэн бүтэрбит* <...> *арсыын туора тиистээх Арсан дуолай обонньор* 'Старик Арсан Дуолай с торчащим на аршин кривым зубом <...> **извёл податями** всех небесных обитателей' [36, с. 54]; *Үөһээ бөбөнү өлбүгэтин эһэргэ Үс Күлүк Бүдүрүйбэт Бүгүстээн Хара (диэн)* '(Предназначенный) **известить податями** всех небесных обитателей с тремя тенями Неспотыкающийся Бюгюстэн Хара' [34, с. 74]; *Үс күүстээх күтүр халлаан уола Күөнчү Бөбө үс дойдуну өлбүгэлээн, үүнэн-үөскээн олордобуна* 'Когда силу троих имеющий сын безжалостного неба Кёнчю Бега **жил-наживался на подати** от всех трех миров' [58, с. 245].

2.2 *Сугулаан* 'сбор, собрание'

В олонхо «Кулун Кулустуур» историзм *сугулаан* фигурирует как дом-юрта (*сугулаан дьизэ*), где происходит собрание сорока четырех белых господ и предводителя высших сил Юрюнг Ар Тойона: *Бу киирэннэр – түөр уон түөрт хос кыһыл көмүс дьизэлэрин түгэх өттүгэр сугулаан дьизэ баар эбит. Онно киирэннэр ным гынан хааллылар (Үрүң Аар Тойон уонна түөр уон түөрт добуолу тойоттор)*. 'Сорок четыре тойона следом за ним пошли в дом. В глубине золотого дома из сорока четырех комнат оказалась **комната-суглан** – туда они и зашли' [42, с. 51]. Также лексема *сугулаан* в олонхо используется в значении 'шум, шумный': *Сугулааннаах сугурук содуомун онорботуннар* '**Содом** кулаков дерущихся пусть не создают' [36, с. 55].

Якутский историзм *сугулаан* 'сбор, собрание' (родовое, наследное собрание; дом родового управления) имеет параллель в монгольских языках: бур. *суглаан* 'собрание', монг. *цуглаан* 'митинг, сходка' [76, с. 102], монг. *чуклабан* 'собрание', монг. *чуклабан*, *чибулбан* 'собрание' [9, с. 25]. В Древнетюркском словаре зафиксирована лексема *чуулан* 'почётный титул у карлуков', также имеется соответствие в эвенкийском: *суглаан* 'съезд, большое собрание'. Вместе с тем С. Калужинский якутскую лексему *сугулаан* относит к монголизмам [9, с. 125].

3. Историзмы-названия жилища, деталей устройства

3.1 *Мо́бол ура́һа* ‘жилище, ураса’

В олонхо часто встречается историзм *мо́бол дьыэ* = *мо́бол ура́һа* – «большое, богато украшенное узором летнее якутское жилище конусообразной формы, ураса» [77, с. 274]. Нами установлены следующие его употребления в текстах олонхо:

1) Во многих случаях выступает жилищем людей Срединного мира: в олонхо «Юёлэн Кыырджыт» (Намский улус): *Тобус сиринэн тобойдоох туос мо́бол ураһаны туруору анһан кэбистилэр*. ‘Поставили стоймя огромную берестяную урасу с девятью изгибами’ [43, с. 29].

В олонхо «Мюльдэю Бёгё» (Усть-Алданский улус): *Устүү курдуулаах үрүҥ туоһунан үлүйэн кизгэппит тобус сул мо́гол туос ураһа баара*. ‘Девять огромных трехъярусных ураса, покрытых добела вычищенной берестой были’ [34, с. 66].

В олонхо «Ёлбёт Бэргэн» (Таттинский улус): *Онтон тиийэн кэллилэр аҕаларынаахха Дьура бөбөбө, үс курдуулаах мо́гол ураһаны тутан кэбистилэр, аал уоту отуннулар, алаһа дьэни ахталытан тоһуйдулар*. ‘Потом прибыли к отцу (с матерью) Джура Бёгё, возвели огромную трехъярусную берестяную урасу, развели огонь в очаге’ [44, с. 87].

2) В олонхо Сунтарского улуса «Адаам Саар бухатыыр» описывается как жилище обитателей Верхнего мира: *Сэттэ накааттаах сырдык кизҥ кириэстибийэ халлаан кэдээлигэр түөрт уон туос түгэхтээх, отут туос ортолоох, үс туос үөлэстээх үс бөбөх көмүс курдуулаах, тэһэ быһыы чикэлээх, ойо быһыы ойуулаах сулууда мо́бол ураһаҕа тиийиэбин*. ‘Во впадине светлого широкого неба с семью накатами найдешь большую слюдяную урасу с сорока берестяными настилами, с тридцатью берестяными слоями по середине, с дымоходом из трех берест, с тремя обхватами, подобными золотым браслетам, с чекой с резными орнаментами, с резными узорами’ [59, с. 59].

3) Часто используется как образ сравнения в олонхо «Мюльдэю Бёгё» – в описании громкой славы имен родителей богатыря племени айыы: *Күөйүмтэбэй Күн Сыралыман Тойон <...> Аан Дархан Хатын ойохтоох <...> ибил-дьибил сурахтара орто буор түөрт улаҕатыгар үс курдуулаах мо́бол дьыэ саҕа добун халарык буолан илгистибит*. ‘И мало-помалу в четырех концах Среднего мира подобно большому урагану, величиной с трехъярусную берестяную урасу, разнеслась слава о Кёйюмтэгэй Кюн Сыралыман Тойоне с женой его Аан Дархан Хатын’ [34, с. 25]; в описании внешности богатыря айыы: *Үс курдуулаах мо́бол ураһа дьыэ саҕа, үс кырыылаах үрүҥ көмүс киһи сүүрдэн тиийэн кэлэн* ‘Примчался верхом трехслойный (трехгранный) серебряный человек ростом с трехъярусную берестяную урасу’ [34, с. 160]; в описании мифической птицы – сокола: *Мооньһугар бойбордоох мо́гол ураһа саҕа улахан аалай мохсоһол кыыл, аар түһүлгэ маһыгар олонор баран икки алтан чааскы курдук аналлаах хараһынан адыылаан көрөн олонор эбит*. ‘Огромный алый сокол с белой полоской вокруг шеи, сам величиной с берестяную урасу сидит, оказывается, уставившись на него своими пронизывающими глазами с медную чашу, на священном дереве посреди поляны’ [34, с. 409].

С. Калужинский якутское слово *мо́бол/мо́гол* связывает с этническим самоназванием монгол. Якутская лексема *ураһа* – очевидный монголизм: бур. *урса* ‘чум, шалаш, конусообразный шалаш’ [78, с. 252].

3.2 *Уорук* ‘дом (юрта) с хорошими удобствами’

В олонхо одним из наименований жилища людей Срединного мира является *уорук* – «дом (юрта) с хорошими удобствами, лучшей постройки» [66, стлб. 3047], «большой, просторный, хорошо обставленный дом (жильё, жилище)» [78, с. 219].

Например, используется для описания жилища удаганки Күн Толомон Ньургустай из олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»: *Көннүгүн көрүлүү турар көндөй көмүс уоруктаах эбит*. ‘Есть у нее оказывается жилище сплошь из золота, которое само за собой смотрит и со всем справляется’ [42, с. 116]; дом родильницы Срединного мира Старухи Далбардаан из олонхо «Хабытта Бэргэн»: *Илин диэки энгэринэн киһирэр ааннаах, хоту өттүнэн хотонноох, көмүс уорук күндээрэн көстүө*. ‘Издалека увидишь золотом играющее жилище, со входной дверью с восточной стороны, с хотоном (хлевом для скота) с северной стороны’ [61, с. 74]. Главная героиня из одноименного олонхо «Кыыс Дэбилэй» просит у верховного божества Джылга Хаан Тойон отправить в Срединный мир семь небесных мастеров для возведения жилища, создания

семейного очага: *Чэбдик халлаан үрдүгэр үөскээбит сэттэ дэбил манан уустаргын ыытан, көй уорук дьийэ туттарыа диэммин көрдөһө турабын* ‘Семерых искусных белых своих мастеров, на чистом небе живущих, пошли, просторный удобный дом помощи построить, прошу тебя’ [45, с. 258].

Якутский *уорук* исследователи обычно сравнивают с тюрк. *обрук* ‘овраг, ущелье’. Однако Н. К. Антонов считает его основой монгольского происхождения от монг., бур. *уурхай* – 1) ‘копи, рудник, шахта, прииск’; 2) ‘гнездо (беличье)’ [14, с. 84].

3.3 *Үгэх* ‘чулан в юрте’

В словаре Э. К. Пекарского *үгэх* «кладовушка (кладовушка) внутри юрты, чулан в юрте у входа (ср. чулаан); кладовка в левой половине дома, поставец; небольшой огороженный досками чулан, на северной стороне юрты против уна орон, где хозяева в сундуках или шкафах помещают свое платье, лучшее свое имущество» [66, стлб. 3105]. Схоже с бурятским *ухук* ‘шкаф’, монгольским *үкег* ‘ящик, сундук’.

В олонхо лексема *үгэх* упоминается как кладовка родителей богатыря племени айыы: *Үс куннук сиртэн күлүмүрдээн көстөр холобурдаах өрөгөйдөөх үтүө үгэхтээх эбит*. ‘С расстояния трех дней пути стоит поблёскивает знатный его **чулан**’ [34, с. 36]. Обычно в нем живёт прислуга: *Үс кыыс оёо баара үгэх таһыттан өрө матарыйан кэлэннэр* ‘Три девушки-прислужницы, выпитив живот, пришли (подошли) со стороны **чулана**’ [33, с. 176]. Также историзм встречается в устойчивой эпической формуле: *Бэттэрэ биллэриkkэ түстэ, үтүөлэрэ үгэххэ түстэ, хоһууннара хотонно куотта*. ‘Лучшими казавшиеся кинулись к лавке-нарам у входа в юрту, смелыми слывшие – к **чулану**, храбрыми считавшиеся бросились в хотон’ [46, с. 204].

3.4 *Аранас* ‘маленький амбар, поставленный на деревянные столбы; лабаз’

Историзм *аранас* имеет два значения: 1) маленький амбар, поставленный на деревянные столбы; лабаз; 2) могильный лабаз, на который древние якуты клали тела почитаемых покойников в гробах. Сравнивается с монг. *аранга* ‘вышка’ [79, с. 530], монг. *аранга* – 1) ‘помост, навес; вышка-помост (для охоты на диких зверей)’; 2) ‘вышка’ [17, с. 83].

Про *аранас* П. А. Ойунский пишет следующее: «*Аранас* упоминается в олонхо, причем он имеет три назначения. Во-первых, *Аранас* ставили для великих богатырей из *абаасы аймага*, прибывших на ысыах. В этом случае *Аранас* – почетное место для сидения. Во-вторых, *Аранас* ставили для убитого/покойника; это делали для того, чтобы пригласить из верхнего мира “*айыы намысын удагаттары*”, а этим удаганкам нельзя было касаться нечистой, грешной земли. И, наконец, в третьем случае *Аранас* ставили для защиты от зверей тела погибшего в бою богатыря с целью, когда пройдет срок его заклатья, пригласить/позвать тех же удаганок. В этом случае *Аранас* – временная могила. С принятием христианства, *Аранас* ставили для погребения шаманов и удаганок. *Аранас* не был массовым способом погребения умерших» [3, с. 44].

Из фонда текстов олонхо нами выписаны следующие упоминания *аранас* в олонхо:

1) *Аранас* в олонхо часто фигурирует как место сидения/лежания героев как положительных, так и отрицательных: *Алталаах атыыр сылгы саба алтан сарай аранаһыгар тахсан олорон баттаһын тараанан күөгэйэ олоордо (Кыыдааннаах Кыыс Бухатыыр)*. ‘(Кыыдааннаах Кыыс Богатырка) взобравшись и усевшись, расположившись на возвышавшемся **аранас** высотой с шестигодовалого жеребца, расчесывала плавно свои волосы’ [63, с. 149]; *Абыс атахтаах алтан аранаска арбаа халлаан уола абыс хос мэишилээх Аан-Арбалдьын бухатыыр күтүөттээн күөкэллэн олорор ибит*. ‘На **золотом аранасе** о восьми подпорках расположился-расселся, говорят, прибывший свататься сын западного неба восьмиголовый Аан-Арбалджын богатырь’ [65, с. 92]; *Тыын иһиллир, тымыр баттыыр Тынгырахтаах Дыбырдаай ыабыс харабалаах алтан аранаһын үрдүттэн алтахтаан түстэ*. ‘Душу губящий, жизнь отягощающий Тынгырахтах Дыбырдаи спустился бычьим шагом со своего **золотого аранас** с берестяным ведром вместо запора (задвиги)’ [43, с. 101].

2) В олонхо «Кулун Куллуштуур» (Чурапчинский улус) подробно описывается процесс сооружения и обустройства *аранас* для сына Кулун Куллуштуур, где он будет отдыхать и принимать пищу: *Унго диэки алта бабаналаах, сэттэ мас систээх, абыс мас адарайдаах, тобус мас туорайдаах бэрт диэн бөбө гына аранас онгоро охсубуттар*. Оол үрдүгэр тобус бугул

локуора күөх оту таһааран күөгэччи тэлгэппиттэр, абыс эһэ тириитэ тэлгэх кэбиспиттэр, тобус буур тайах тириитэ олбох уурбуттар. Абыс арыы хатын туоһун хастаан, **арангас** үрүт өттүнэн ардах ылбат, самыыр тэстибэт гына сабыы онгорбуттар. ‘Очень прочный **арангас** (сооружение на столбах для хранения запасов пищи и одежды: почетное возвышение) на столбах из шести деревьев, с перекладами из семи бревен, с настилом из восьми бревен. Подняли на него девять копен зеленой травы, пышно её набросали, разостлали постель из восьми медвежьих шкур, положили подстилку из шкур девяти лосей-самцов. Над **арангасом** – как бы дождь не просочился, как бы сырость не проникла – соорудили навес, содрал для этого бересту с берез восьми березовых рощ’ [42, с. 207].

3) В олонхо «Аландаайы-Куландаайы» (Амгинский улус) **арангас** – это золотой помост на восьми столбах, где восседающую на почетном возвышении строптивую богатырку Срединного мира Кыыс Ньургун охраняют богатыри, облаченные в серебряные доспехи: *Kiһи кирилизһинэн тахсар абыс атахтаах алтан арангас анныллыбыт. Ол үрдүгэр бастарыттан атахтарыгар дизэри өбүлдьүйбэт үрүг көмүс куйахтаах дьон төттөрү-таары хаама сылдьаллар*. ‘Был возведен **золотой помост** на восьми столбах, на который можно подняться только по лестнице. По нему сновали взад-вперед люди, с ног до головы облаченные в серебряные доспехи’ [47, с. 128].

4) В олонхо «Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр» (Верхоянский улус) главная героиня поручает своим подчиненным соорудить **арангас**, куда должны спуститься с небес сорок один родственник небесного богатыря Сына Господина Юргэл (Плеяда) Орой Хара, для участия в обряде сватовства с сестрой Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр – Кюн Туналынгса: *Түөрт уон биир бараа түнүр түһэр аранаһын оҕус*. ‘Сооруди скорей **арангас** для 41-го бросающего темные тени родственника’ [63, с. 156].

5) В олонхо «Ёлбёт Бэргэн» (Таттинский улус) встречается, на наш взгляд, распространенный во многих странах мира геронтоцид – древний обряд умерщвления пожилого, дряхлого, болезненного человека, чтобы избавить себя от тяжелой обузы, а самого старика/старуху от излишних и долгих страданий. Так, в данном олонхо пожилая приемная мать просит любимого сына богатыря Срединного мира Ого Тулаяха перед его отправкой в богатырский поход (в поисках своей суженой) захоронить на лабазе её золотые кости (*алтан унуохпун аранастаа*). Сын исполняет её волю: *«Мийигин алтан унуохпун аранастаамына, көмүс унуохпун көтөбүмнэ бардын дуо?» – диэн эттэ эмээхсин. «Э, кырдык даҕаны!» – диэн төннөн кэллэ. «Дьэ, эйигин алтан унуохкун аранастыам дуо?» – диэн баран мойньоох баһын быһа охсон кэбистэ эмээхсини. Ол гынан баран икки салаалаах хатын маска кыбыта аһан кэбистэ. Ол гынан баран, «бырастый, ийэ!» диэн баран бара турда*. ‘Старуха говорит: «Неужто ты уйдешь, не соорудив **арангас** для моих драгоценных костей, не захоронив мои золотые кости?». «И правда!» – воскликнув, он вернулся: «Как же не сделать **арангас** для твоих драгоценных костей?», – проговорив, отрубил голову старухе. Затем воткнул между двух ветвей березы. Затем сказав: «Прощай, матушка!» отправился в путь’ [44, с. 30].

3.5 Көхө ‘крючок, крюк’

Якутская лексема **көхө** имеет два близких значения – это: 1) прочный деревянный гвоздь, на который вешается одежда и другие предметы домашнего обихода, вешалка; 2) крючок, крюк. Срав.: с п.-монг. *гөки, гохо* ‘крюк, шест с железным крючком на конце’ [80, с. 409]. Обычно встречается в описании детали устройства юрты-жилища родителей богатыря племени айыы или самого главного героя: *Бу кэnnиттэн уотун икки өттүгэр икки остуолбаны туруоран кэбиспит да, икки тимир көхөнү саайан бэлэмнээн кэбиспит*. ‘Дядя поставил с обеих сторон от огня два столба, вбил в них два железных крюка’ [42, с. 273].

3.6 Сорбо ‘жёлоб на дне детской колыбели’, ‘глиняная трубка’

В олонхо лексема **сорбо** встречается в двух значениях: 1) глиняная трубка, вставляемая в горновое окно, фурма; 2) жёлоб на дне детской колыбели для стока мочи. Сравнивается с монг. *цорго* ‘горлышко (чайника), перегоночная трубка’, монг. *чорбо* ‘труба для двоения или выщеживания вина’, бур. *сорго* ‘винокурная труба’, тюрк. *сорба* ‘воронка’, *шорба, чорбо* ‘дугообразная деревянная труба, употребляемая при выкуривании вина из молока, трубы для дистиллирования водки, кран у самовара’ [66, стлб. 2283; 81, с. 533].

Родоначальники Срединного мира изготавливают детскую люльку с жёлобом-*сорбо* из коры белой берёзы для младенца – будущего богатыря айыы, защитника своего племени: *Биһик онгорон билгэрэннээтэ, сорбо онгорон сордонно*. ‘Мастеря люльку провозился, приделывая жёлоб замучился’ [33, с. 25]. Также в олонхо глиняная трубка *сорбо* участвует в описании носа кузнеца Нижнего мира, у которого проходят богатыри физическое и магическое закалывание: *Буор сорбо саба мурун хонтос гынна*. ‘Высунулось вверх носище (размером) с глиняную трубку’ [40, с. 248].

4. Историзмы-названия предметов утвари

4.1 *Сар иһит* = *саар иһит* ‘лукошко, берестяной туясок’

В олонхо часто упоминается посуда людей Срединного мира *сар~саар~саар ыаҕас (иһит)* «сосуд средней величины из сшитых вместе берестяных полос (часто вмещает 5 ведер); лукошко; берестяной туясок» [66, стлб. 2094]. Например, в олонхо «Мюльджю Бёгё», старуха-рабыня Симэхсин по суровому велению своих хозяев помещает новорожденного ребёнка калеку (будущего богатыря Мюльджю Бёгё) в *чащу сар-иһит*, сверху присыпает сеном, мелким хворостом и оставляет «паразита» в навозной яме, где он пролежит без движения тридцать лет: *Ус кулгаахтаах саҥа сар иһити эмээхсин саҕастаан аҕалан оттору-мастары кытта биһи баҕады туюлуон туххары дэлби симэн кэбистэ*. ‘Старуха притащила новую с тремя ушами *чащу сар-иһит* и затолкнула паразита в эту посуду, полностью прикрыв сеном, мелким хворостом’ [34, с. 52].

Якутская посуда *сар иһит* = *саар иһит* сравнивается с бурятским *сара* ‘чаша’ [81, с. 83].

4.2 *Матаар* ‘большой деревянный кубок’

В олонхо *матаар* (большой деревянный кубок с богатым узором, изготовленный из ствола молодой березы, предназначенный для питья кумыса) символизирует изобилие и богатую жизнь людей Срединного мира. Имеет параллель в бур. *матаар*, монг. *бадар*, орд. *батар* ‘чаша’ [77, с. 247]. Обычно используется как ритуальная посуда на национальном празднике-Ысыах: *Туйгун ыһыах онгордулар, матаар айаҕы кэҕкэлэттилэр*. ‘Устроили лучший праздник ысыах, расставили деревянные кубки матаар’ [35, с. 111].

Богатый узор *матаар* также вырезают на священной коновязи-*сэргэ*: *Бастын киһи кэлэн атын баайдын диэннэр матаар ойуу баттааһыннаах, бабыгырыы олорор бар өксөкү барыллыа кыыллаах бастын байбарыын манган сэргэни байбааччы анныбыттар эбит*. ‘Чтоб почитаемый человек с дороги устав, лошадь свою привязал, *узором-матаар* отчеканенную, клекочущей двуглавой птицей-*ёксёкю* наверху украшенную белую коновязь водрузили, оказывается’ [55, с. 111].

4.3 *Симиирчэх* = *симиірчэх* ‘кожаный мешок или сумка’

В якутском языке *симиірчэх*=*симиірчэх* это «небольшой кожаный мешок или сумка, для хранения или временного держания кумыса и других жидкостей» [66, стлб. 2228], «кожаный сосуд для хранения кумыса (маленького размера)». Сравнивается с бур. *хаба* ‘сосуд (для жидкостей)’ [81, с. 401]. В олонхо часто упоминается как посуда людей Срединного мира: *Симиір өттүттэн симиірчэбин ылбытым*. ‘Из кожаных *симиіров* взяла симиірчик’ [36, с. 34].

4.4 *Тахтай* ‘берестяной чуманчик’

В олонхо также часто встречается наименование другой посуды: *тахтай* «берестяной чуманчик для варки клея, берестяная клеянка» [66, стлб. 2607]. Иногда этот историзм участвует в описании главного персонажа: *Чаан алгый курдук бастаах, тахтай курдук көбүстээх, чабычах курдук көбүстээх (новорожденный Мюльджю Бёгё)*. ‘У него голова с большой котёл, спина как *тахтай* (берестяной сосуд для варок клея), спина как чабычах (небольшой берестяной сосуд)’ [34, с. 51].

Якутская лексема *тахтай* ‘берестяной чуманчик для варки клея, берестяная клеянка’ [66, стлб. 2607] имеет параллель с монгольской *daqtai* ‘кружка из бересты’ [10, с. 328], хакасской *тахтай* [83, с. 38], алтайской *тектей* ‘деревянная кадка для хранения зерна’ [82, с. 309], и, видимо, происходит из монг., х.-монг. *tagdê* ‘казаться низеньким и коротким’ [9, с. 59] = як. *тахтай*- ‘быть низеньким, одетым в кургузую одежду’.

5. Историзмы-названия одежды

5.1 *Хампа* ‘китайский шёлк (атлас)’

Историзм *хампа* в словаре Э. К. Пекарского зафиксирован как «канфа, толстая одноцветная китайская ткань; китайская пеньковая материя для женской одежды» [66, стлб. 3287]. Находит

параллель в монг. **хамба** ‘первосортный шёлк’, в тюрк. **канма, камба** ‘китайский шёлк’ [84, с. 271].

В текстах олонхо **хампа** ‘китайский шёлк (атлас)’ встречается как:

1) Деталь облачения небесной удаганки *бытырыыс* ‘бахрома, кисти’ из китайского шёлка: *Күн Толомон Ньургустай удабан – харытынан охсуллубут хампа бытырыыстаах, сототунан охсуллубут солко бытырыыстаах кыһыл көмүс кыыһаанын кыыгыначчы иилинэн кэбистэ*. ‘Удаганка Кюн Толомон Ньургустай – натянула она на себя бренчащее золотом облачение своё, с канфовыми кистями до запястья, с шелковыми кистями до колен’ [42, с. 124]. Также лексема **хампа** ‘китайский шёлк (атлас)’ обнаруживается в описании одежды небесных удаганок и шаманов: *Халлаан хайаһаһынан, былът быыһынан абыс айыы дьаргыл удабаттара, тобус күн дьөллүүт ойууттара <...> солко бытырыыстара сотолоругар эриллибит, хампа дьаарай бытырыыстара харыларыгар сөрүөстүбүт*. ‘Сквозь расщелину неба, меж облаков появились восемь звонких удаганок айыы, девять шаманов-приспешников солнца, **шелковой бахромой** по голень обвитые, в руках запутавшимися канфовыми кистями’ [60, с. 110].

В олонхо «Эрэбил Бэргэн» описывается как небесная удаганка Кыыс Нуогай одевается в самую лучшую, дорогую женскую одежду из меха, помимо своего шаманского облачения: *Кистэлэн чуулааныгар күөгэйэн-нухайан киирэн киис киэнэ киргиллээжинэн, бэдэр киэнэ бэрдинэн, буюбура толбоннообунан, саһыл саһахтаабынан, кырынаас киэнэ кыппахтаабынан таннан баран, бу тас өттүнэн харытынан охсуллубут хампа бытырыыһын, кыһыл көмүс кыыһаанын кыыгыначчы иилинэн кээспит*. ‘Плавню войдя в свой потайной чуланчик, нарядилась в отборные соболя, в лучшие рысьи меха, в блестящие бобровые меха с отливом, в меха из цельных лисьих шкур, из горностая с черными пятнами на кончике хвоста, поверх всего этого накинула по рукам обвивающие **канфовые кисти**, золотые звенящие (шаманские) подвески’ [48, с. 212].

2) Сюжет олонхо «Улуу Даарын бухатыр» (Олёкминский район) заканчивается устройством *Саргы ыһааба* (букв. Ысыах победы) в честь возвращения главного героя, восстановления мирной жизни в Срединном мире. Это торжество описывается как *Омоллоон уйгута, Таркаайы чалларына, Эргистэй ыһааба* – букв. Изобилие Омоллона, пиршество Таркай, Ысыах Эргистэя. Участники празднования – люди Срединного мира изображаются как одетые в лучшие наряды из шёлка: *Солколоох танастаах субуруспут, синньэлээх танастаах сиэттиспит, хампа танастаах ханыыласпыт*. ‘Потянулись в шелка одетые, говорят, взявшись за руки пошли носящие одежду, отделанную оленьим мехом, говорят, **в канфу нарядившиеся** пошли рядами, говорят’ [56, с. 252].

3) **Хампа** ‘китайский шёлк (атлас)’ выступает как компонент устойчивой эпической формулы обозначения времени Сотворения мира: *Кытаайыскай табаар кылбаччы суобуна, ассынай танас адьас мэлигир эрдэжинэ, хампа-торбо танас хастыы суох эрдэжинэ*. ‘Еще, когда китайского товара не было совсем, аршинами материи в глаза не видели, **канфовой ткани** отродясь не было’ [47, с. 44].

4) Ценные и почитаемые деревья Срединного мира – берёза и берёзовая роща сравниваются олонхосutom с образом богато одетых в шёлковые наряды почтенных господ – женщин Срединного мира: *Хампа-турбэ танастарын танныбыт хатын дьахталлар, ханкыр-ханкыр кэпсэтэ-кэпсэтэ, хаамсан ханалдьыһан иһэллэрин курдук, хатын мастардаах эбит*. ‘Подобные статным женщинам **в шелка разодетым**, с ворчливым ропотом важно шествующим, берёзы есть у неё, оказывается’ [45, с. 78]; *Хангалас улууһун дьахталлара дьааһыктаах хампа солколо-рун хаалларбакка таннан, урууга ыһаахха бардыбыт диэн бааралаан хаамсан, лагдадьдьыһан иһэллэрин курдук арынан алла турар ары чаллах чараннардаах эбит*. ‘Словно женщины Хангаласского улуса, надевшие все лучшие **шелковые наряды** из своих сундуков, парами на праздник ысыаха потянулись дружно, масло источающие отдельно островками стоящие низкорослые ветвистые берёзовые рощи есть оказывается’ [54, с. 120].

5) Сочная, зелёная трава Срединного мира сравнивается с шёлком: *Хаамыылаах атым харытыгар охсуллар хампа күөх ото хатылла уунэн ханыыласпыт*. ‘Касаясь нижнейловины передних ног моего быстроходного коня, выросла, скручиваясь, рядами **ярко зеленая трава**’ [41, с. 170].

6. Историзмы из области коневодства и скотоводства

6.1 Урах ‘молочный напиток’

В языке олонхо сохранилось наименование молочного напитка *урах уу* (*уута суох урах* ‘молочный напиток без примесей воды’), которое является очевидным монголизмом в якутском языке < бур. *урак* ‘молоко только что отелившейся коровы’, монг. *убураб* ‘первое молоко, после того, как корова отелится’ [66, стлб. 3064].

В олонхо «Мюльджю Бёгё» используется в описании родины главного героя: *Урах уулаах, уйгу быяннаах орто дугуй буорга уйаланан үөскээбит ураанхай саха буолабын*. ‘Ураанхай саха, уродившийся и свивший гнездо в срединной стране с **родниковой (молочной) водой**, беспредельным изобилием’ [34, с. 315]. Также в этом же олонхо описывается южная, жаркая страна, где льют дожди, подобные молочному напитку *урах*: *Сааллар этинг силдьиттээх, урах самыыр ыһахтаах, унаар куйаас тыыннаах*. ‘Тремящим громом сопровождаемая, **дождями из молочного напитка** без примесей воды проливаемая, со знойной продолжительной жарой’ [34, с. 87].

6.2 Хонсуоччу ‘крючок на луке с передней стороны седла’

Якутский историзм *хонсуоччу* ‘крючок на луке с передней стороны седла’ входит в описание конной амуниции богатыря айыы: *Очуллаан-Чочуллаан бухатыыр аҕыс салаалаах айыы далбар кымньыта хонсуоччутугар иилиллитинэн түөрт чэрчимэ таас туйабынан туруйалаабытынан кэлэн туруору түстэ*. ‘Богатырь Очуллаан-Чочуллаан с восьмивостым кнутом айыы далбар **на крючке седла** привязанным, каменными четырьмя копытами звонкими, словно журавль, прямо спустился’ [36, с. 296–297].

Якутская лексема *хонсуоччу*, видимо, образована от собственной глагольной основы *хонсой-* ‘иметь высокую переносицу’, которая имеет прямую параллель в монгольских языках: монг. (калм.) *гонсээ* (<**бонсайи*) ‘иметь длинный клюв’.

6.3 Модьуун ‘лишай стригуший’

В олонхо с участием якутской лексемы *модьуун* ‘лишай стригуший’ описывается рога-тый скот Нижнего мира: *Өлүү Чөркөчүөх төрдүнэн өнгөйөн көрдөхпүнэ: <...> модьуун өлүү муобурнут сут-бээгэй торбостоох эбиттэр*. ‘Присмотрелся я в сторону Нижнего мира-Ёлюю Чёркёчюёх: водится у них доведенный **лишаем** до края, оголодавший низкорослый телёнок’ [33, с. 215].

Якутский *модьуун* сравнивается с бур. *бужуу* ‘парша’ [77, с. 280].

7. Историзмы, относящиеся к религиозным представлениям

7.1 Түөрэх ‘атрибут для гадания’

В олонхо самым распространенным гаданием было *түөрэх бырабыы*, используемое при любых обстоятельствах жизни, напоминающее «орел и решку». В качестве *түөрэх* брали любой предмет (чаще деревянную ложку), загадывали желание и бросали предмет вверх. Положение упавшего предмета указывало на положительный или отрицательный результат [85, с. 291]. Также подбрасывали рукавицу, шапку, шаманскую колотушку для бубна. В олонхо обычно обряд гадания *түөрэх бырабыы* совершают небесные удаганки для предопределения судьбы главных героев: *Ол тобус айыы кыргытара, тобус сизлээх эбир хамыйабынан тохсуон түөрэх кэбиһэн баран, оҕо киһи барахсанга оннук этэ диэн сана сангаран саймаһытан барбыттар эбит*. ‘Как девять девушек айыы вдевтером **подбросили вверх большую ложку с четырьмя углублениями**, украшенную девятью пучками конских волос, да как начали человеку моему рассказывать-говорить о том, что нагадали’ [33, с. 381].

В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» верховные божества главным прорицателем и провидцем Срединного мира назначают мудреца Сээркээн Сэһэн, который должен предсказывать путем гадания *түөрэх бырабыы* и записывать все происходящее на каменную табличку (архив): *Орто кулан дьэллик дойду отут биэс биис ууһугар көрөр харах буолан көмөлөһө олордун диэннэр, түөрэх кэбиһээччинэн, түстээччинэн хотой хаана хоруонча-халаах, хотобойун түүтэ куорсуннаах, аан ийэ дайды айыллыабыттан ыла аалыы таас аркыымалаах <...> Сээркээн Сэһэн оҕонньору*. ‘Для помощи-поддержки тридцати пяти племенам-родам непостоянного беспокойного Срединного мира **назначенного провидцем, провозвестником** старика Сээркээн Сэсэна с чернилами, пишущими кровью птицы орла,

с маховым пером из его предплечья, с сотворения вселенной ведущимся архивом на граненом камне» [33, с. 12].

В олонхо «Кёр Буурай бухатыр» с Верхнего мира спускаются небожители Господа-Айысыт и Старики-Айылба для передачи главному герою предназначенных ему светлыми божествами конских поводьев и недоуздка, с помощью которых он должен поймать своего богатырского коня. Ритуальную церемонию передачи проводит главная Старуха-Айыы, выступающая тоже в роли лица, которому позволено проводить обряд-гадание **түөрэх бырабыы**: *Ат көнтөһө тутуурдаах, айыа барбыт хааннаах эмээхсин дьахтар иннилэригэр киирэн, сиэллээх хамыйабынан түөрэх кэбиһэр, төлкө бырабар киһи быһыытынан...* ‘Малокровная старуха с недоуздкой в руках встала перед ними, **подбросила вверх ложку с четырьмя углублениями**, чтобы предугадать-предсказать судьбу...’ [58, с. 54].

Таким образом, лексему-историзм **түөрэх** можно встретить в самых различных сюжетных линиях. Например, иногда в характеристике имени положительных персонажей, обычно, женщин-удаганок: *Абыс былас соһуохтаах, алтан түөрэх уруйдаах, аас сылгы тэриитэ олбохтоох Айыы Дьаргыл удабанга дьансайыахтын!* ‘Восьмисаженную косу имеющей, **медный (золотой) жребий** бросающей, на шкуре белой лошади восседающей Айыы Дьаргыл-удаган пусть сообщит!’ [45, с. 88]; *Алтан далабай түөрэх уруйдаах Аан Дархан Хатын ‘С золотой ложкой с четырьмя углублениями* славная Аан Дархан Хатын’ [34, с. 20].

С. Калужинский якутскую лексему **түөрэх** возводит к монг., х.-монг. **төөрөг** ‘предопределение, рок, судьба, удача’, бур. **төөрөг** ‘счастье, удача; судьба, рок, жребий’ [10, с. 334]. Обряд **түөрэх бырабыы** существовал также у тюрков Южной Сибири: хак. **торик** ‘возглас присутствующих при бросании шаманом чашки или ложки’ [86, с. 272], тув. **теерек**: «шаманы у тувинцев-тоджинцев, как и якутские шаманы, во время камлания производили одинаковые гадания путем подбрасывания чаши или деревянной большой ложки» [87, с. 105].

7.2 Көңсүү (ас) ‘трапеза, последняя пища’

В олонхо часто встречается лексема **көңсүү (ас)**, которая имеет два значения: 1) трапеза перед отправлением в дальний путь или окончательным расставанием с домом; 2) предсмертная, последняя заветная пища человека. Сравнивается с монг. **хүнс(эн)** ‘продовольствие, провизия, провиант’ [80, с. 294].

Часто встречается в мотиве прощания богатыря айыы с родной страной перед богатырским походом. Герой обращается к духам Срединного мира через кормление/потчевание духа огня (домашнего очага), угощение настоявшимся кумысом (**көтөр көңсүү**): *Барар малааһын, аттанар аһылык, көтөр көңсүү, бука бары бүрү-бүттүүн аһаан-сиэн турун эрэ.* ‘Ешьте-пейте до дна еду **трапезы перед разлукой-расставанием**, угощение настоявшимся кумысом’ [49, с. 94]; *Көбөччөр кытытым көйөлгөлөөх кымыһынан, күөх уотунан күөмэй умунахтаан, күндүлээн көтөр күнүм буолла! Этэбэ-бытаба суох бары аһаан! Аттанаар аһылык, барар малааһын, көтөр көңсүү диэн буолар.* ‘Вот и настал день угощения настоявшимся кумысом сивой лошади моей, чтобы промочить ваше горло его синим огнем! Ешьте-пейте все, не мелочась! Это **прощальная трапеза, угощение перед разлукой-расставанием**, перед отправлением в дальний путь’ [50, с. 109].

Также в эпосе встречается следующее: в олонхо «Даадар Хара» дух горного перевала просит у главного героя *буруо көңсүүтэ* ‘предсмертный табак’ в качестве дани, пожертвования: *Муннубун-уоспун угуттуохпун улуу күдэн буруо көңсүүтэ, табахта баҕас биэрэн ааспат буолангын!* ‘Чтобы я прогрел себе зев и пасть, подай-ка мне обожяемого **предсмертного табака!**’ [39, с. 187].

7.3 Хоойлуга ат ‘жертвенная лошадь’

Якутский архаизм **хоойлуга** (*хайлыга, хаайлыга, хаалдьыга, хойлуга, холдьуга, хоолдьуга*) – это жертвенное животное, забиваемое сразу после похорон, мясо которого едят на поминках (обычно лошадь или бык, на которых покойник якобы будет ездить в загробной жизни) [84, с. 587]. По преданиям, в старину вместе с умершим родоначальником закапывали живого коня и раба. Впоследствии мясо коня стали съедать на поминках, а череп вешать на дерево, растущее вблизи могилы. Сравнивается с бур. **хойлабан** ‘заколотая лошадь, даваемая покойнику для того, чтобы он мог ездить на том свете, по верованиям бурят-шаманистов’, монг. **хойилба** ‘приноси-

мое на могиле покойника в жертву животное (верблюд, лошадь)’ [66, стлб. 3237], также с алт. **койло-** ‘конь, которого хоронят вместе с хозяином’.

Во многих олонхо встречается в составе устойчивой эпической формулы – угрожающей речи героев, обращенных друг к другу:

1) В олонхо «Кулун Куллуштуур» главный герой → богатырю абаасы: *Кэриэс тылгын кэпсэт, өлүннүк танаскын тангын, хойлуга аккын мииньий*. ‘Говори последнее слово свое, надевай погребальные одежды свои, усаживайся **на жертвенного коня** своего’ [42, с. 92].

В олонхо «Тойон Ньургун» главный герой → богатырю Срединного мира Онюлах Мохсоголджун: *Туох кэриэс-хамуруос этэрдээххин, кулан хоолдугабын булун, көңсүү-түлэкэ аскын аһаа, быдан-кэриэс тылгын эт, өлүннүк ардах танаскын сахсын*. ‘Приготовь последнее слово свое, поищи себе **жертвенного коня**, поешь прощальной недоваренной пищи своей, выскажи прощальные заветные слова, потряси свои залежавшиеся погребальные одежды’ [50, с. 100].

В олонхо «Тамаллаайы Бэргэн» главный герой → богатырю абаасы Аан Суодуйа обургу: *Тобустаах кыталык элэмэс сылгы хоолдугабын бэлэмнэтэ тат! Өлүннүк танаскын тик-тэрэ обус!* ‘Вели тотчас подыскать тебе девятигодовалого светло-пегого **жертвенного коня**! Пусть немедленно пошлют тебе погребальную одежду!’ [52, с. 89].

2) В некоторых олонхо **хойлуга** упоминается как назначенная жертвенная лошадь самого главного героя – богатыря айыы:

В олонхо «Хара Ньургун»: *Нойоттоор, өлөр-хаалар күммэр хоолдуга гыным диэн, хонууга уота ыыппытым үс төгүрүк сыл буолла. Тот кунанчаан тобо барыаба, эмньик кунанчаан эмньигэлээн хаалыаба*. ‘Слуги мои, исполнилось три круглых года, как я для смертного часа своего пустил пастись, набираться жира **погребального скота**. Пусть напасется сытный бычок, пусть насосется сосунок, пасущийся с матерью’ [51, с. 34].

В олонхо «Буура Дохсун»: *Урүлүйэн ииппит урун түүлээхнэр үтүө сылгы үөскээбит, харылыиан ииппит хара түүлээхнэр хангыл сылгы үөскээбит. Ону уүрэн таһааран остуолбаба хаайын, обурукта түһэрин, буурда илинг. Халын бэйэтин айааһаан, холдую бэйэтин сыһытын, хойут өлөр күнгэ хоолдуга гыным этэ!* ‘Среди любовно вскормленного белого скота моего появилась резвая лошадь, оказывается, среди бережно разводимого черного скота уродилась норовистая лошадь, оказывается. Загоните ее в стойло, наденьте на нее путы, накиньте на нее аркан. Толстую ее – объездите, норовистую ее – усмирите, в смертный час станет она для меня **жертвенным конем!**’ [53, с. 20].

В олонхо «Хаан Дьаргыстай»: *Туора томтор диэн сиргэ Күн Тойон кыһа Күөгэлдьин удабан диэн эдьийим ыгыртатар эньигин. Хайлыга аккын миин, өлүнүк танаскын тангын, көңсүү аскын аһаа!* ‘В местность Туора томтор призывает тебя к себе сестра моя дочь Кюн Тойона удаганка Кюөгэлджин. Садись на **жертвенного коня**, надень погребальную одежду, поешь прощальной еды!’ [62, с. 36].

Заключение

В результате фронтального поиска по базе данных «Архаизмы и историзмы языка олонхо» нами было установлено свыше 100 единиц лексем-историзмов, имеющих монгольские параллели. Однако из-за ограничения объемом статьи из них была рассмотрена только 21 единица лексем-историзмов. Таким образом, в результате проведенного исследования можно прийти к следующим заключениям:

- перечень данных историзмов, имеющих параллели в монгольских языках, показывает, что они были употребительны во всех сферах жизнедеятельности людей того времени (названия жилища и его обустройства, предметов утвари, одежды, животных, терминов животноводства, религиозных представлений, терминов социальных отношений);

- семантика каждой из лексем-историзмов содержит в себе утерянный в наши дни целый пласт ценных знаний по истории, этнографии, мифологии, ритуальным обрядам народа;

- установление и систематизация подобных лексем-историзмов, имеющих монгольские параллели, позволяет глубже проникнуть и полнее представить эпическую картину происходящего. Способствует более четкому пониманию исторических связей предков якутов с монголо-язычным миром;

- лексемы-историзмы заметно обогащают лексический фонд языка олонхо и в силу своей сжатой семантики способствуют усилению образности языка олонхо и служат для создания исторического, временного, национального колоритов;

- обращает внимание тот факт, что данные лексемы-историзмы воспринимаются современными носителями языка как собственно якутского происхождения, что однозначно указывает либо на древность проникновения данных монголизмов в язык олонхо, либо на их изначальное существование внутри одной из народностей-создателей олонхо.

Следует отметить также, что дальнейшее раскрытие семантики лексем-историзмов якутского эпоса, имеющих параллели в монгольских языках, будет представлять собой надежное подспорье для решения проблемы генезиса олонхо.

Список сокращений названий языков

алт. – алтайский язык
бур. – бурятский язык
др.-кит. – древнекитайский язык
калм. – калмыцкий язык
монг. – монгольский язык
орд. – язык монголов Ордоса
п.-монг. – письменно-монгольский язык
с.-юг. – сарыг-югурский язык
ср.-кит. – среднекитайский язык
стп.-монг. – старописьменный монгольский язык
тув. – тувинский язык
туркм. – туркменский язык
тюрк. – тюркский язык
уйг. – уйгурский язык
х.-монг. – халха-монгольский язык
хак. – хакасский язык
чагат. – чагатайский язык
як. – якутский язык

Литература

1. Серошевский В. Л. Якуты : опыт этнографического исследования. 2-е изд. – Москва : Рос. полит. энцикл., 1993. – 736 с.
2. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар. Т. 1 : Очерки по древней истории якутов. – Якутск : Кн. изд-во, 1992. – 416 с.
3. Ойунский П. А. Якутская сказка, её сюжет и содержание. – Якутск : Сайдам, 2013. – 96 с.
4. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1 : Якутия до присоединения к Русскому государству. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1955. – 432 с.
5. Слепцов П. А. Язык олонхо : лексика, семантика // Слепцов П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск : ИГИИПИМНС СО РАН, 2008. – С. 337–353.
6. Бетлингк О. Н. О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. – 644 с.
7. Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkssprachen. – Saint Petersburg : [Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften], 1908. – 86 s. (На немецком яз.)
8. Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 13 с.
9. Kaluzynski St. Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache. – Warszawa : Panstwowe wydawnistwo, 1961. – 170 s. (На немецком яз.)
10. Kaluzynski St. Iacutica. Prace jakutozawcze. – Warszawa : Wydawnistwo Akademickie Dialog, 1995. – 406 s. (На польском и русс. яз.)

11. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – Москва : Наука, 1980. – 116 с.
12. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под. ред. А. В. Дыбо. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 608 с.
13. Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск : Наука. Сиб. изд. фирма, 1992. – 267 с.
14. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск : Кн. изд-во, 1971. – 174 с.
15. Антонов Н. К. Исследования по исторической лексике якутского языка : фонетические особенности именных основ. – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2019. – 303 с.
16. Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (Сравнительно-историческое исследование). – Якутск : Кн. изд-во, 1986. – 148 с.
17. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. (Ч. 1 : А–Дь). – Новосибирск : Наука, 2003. – 180 с.
18. Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск : Наука, 2005. – 268 с.
19. Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1980. – 182 с.
20. Иванов Нь. М. Монголизмы в топонимии Якутии. – Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2001. – 162 с.
21. Левин Г. Г. Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2013. – 439 с.
22. Шамаева А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка : дис. ... к. филол. н. – Якутск, 2012. – 270 с.
23. Shamaeva A. E., Prokopieva S. M. Mongolian loanwords in the figurative words of the Yakut language (illustrated by verbs of body parts) // Journal of History Culture and Art Research. – 2018. – Vol. 7. – № 4. – С. 462–471. (На англ. яз.)
24. Shamaeva A. E., Prokopieva S. M. Concept analysis of Yakut figurative verbs with mongolian parallels // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. – 2018. – Special edition. – С. 1778–1785. (На англ. яз.)
25. Малышева Н. В., Старостина Я. Е. Лексико-семантические особенности апеллятивных единиц якутского и монгольского языков (по материалам когнитивной сферы «признаки водоёмов и водных потоков») // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 59–63.
26. Малышева Н. В., Божедонова А. Е., Старостина Я. Е. Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 102–109.
27. Malysheva N. V., Bozhedonova A. E., Starostina Ya. E. Comparative analysis of the Yakut-mongolian parallels (the case of the horse coat color) // Journal of History Culture and Art Research. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 233–244. (На англ. яз.)
28. Старостина Я. Е. Лексико-семантические особенности апеллятивных единиц монгольского и якутского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10-1. – С. 151–154.
29. Божедонова А. Е. Монгольские заимствования в наименованиях мастей лошади якутского языка // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков : материалы Международной научно-практической конференции (Якутск, 18–19 октября 2018 г.). – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2018. – С. 36–45.
30. Афанасьева Е. Н. Исторические связи лексики якутского языка : актуальные проблемы // Наследие предков и современный тюркский мир : языковые и культурные аспекты : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения известного якутского ученого-тюрколога Николая Климовича Антонова (Якутск, 13 декабря 2019 г.). – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2020. – С. 19–28.
31. Тенишев Э. Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // Советская тюркология. – 1973. – № 5. – С. 119–124.
32. Анисимов Р. Н., Божедонова А. Е., Борисов Ю. П., Герасимова Л. Н., Жиркова Е. Е. Архаизмы и историзмы языка олонхо : база данных. – Свидетельство о регистрации базы данных 2020622202 от 09.11.2020.

33. Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур : олонхо. – Дьокуускай : Сахаполиграфиздат, 2003. – 543 с. (На якутском яз.)
34. Говоров Д. М. Непобедимый Мюльджу Бёгё = Мүлдү Бөҕө : олонхо : в 2 кн. – Якутск : Бичик, 2010. – Кн. 1. – 480 с. ; Кн. 2. – 320 с. (На якутском и русс. яз.)
35. Саввин М. И. Мүлдүөт Бөҕө : олонхо. – Дьокуускай : Бичик, 2014. – 520 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 14). (На якутском яз.)
36. Захаров Т. В.-Чээбий. Ала Булкун бухатыр = Ала Булкун богатырь / сост. : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова ; пер. А. А. Бурцева, И. В. Гаврильева, С. В. Данилова и др. – Якутск : Алаас, 2018. – 520 с. (На якутском и русс. яз.)
37. Порядин А. С. Үрүҥ Үөдүйээн : олонхо. – Дьокуускай : ХИФУ Издательской дьиэтэ, 2013. – 360 с. (На якутском яз.)
38. Абрамов Н. А. – Кынат. Ньургун Бөҕө : олонхо / [олонхоһут Н. А. Абрамов – Кынат тылыттан П. Т. Степанов суруйуута]. – Дьокуускай : Бичик, 2011. – 512 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 10). (На якутском яз.)
39. Даадар Хара : олонхо / олонхоһут Н. П. Яковлев-Курууппа ойуун ; [бас ред. В. Н. Иванов]. – Дьокуускай : ХИФУ Издательской дьиэтэ, 2013. – 296 с. (На якутском яз.)
40. Алаатыыр Ала Туйгун : үс үйэлээх олонхо. 1-кы кинигэ / олонхоһут Р. П. Алексеев. – Дьокуускай : Бичик, 2002. – 354 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 1). (На якутском яз.)
41. Ханалас Боотур / олонхоһут А. Н. Алексеев ; [эпп. ред. В. Н. Иванов]. – Дьокуускай : ХИФУ издательской дьиэтэ, 2014. – 320 с. (На якутском яз.)
42. Строптивый Кулун Куллустуур. Якутское олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов ; отв. ред. А. С. Мирбадалева. – Москва : Гл. ред. вост. лит-ры, 1985. – 607 с. (На якутском и рус. яз.)
43. Үөлэн Кыырдыт : олонхо / олонхоһут В. Н. Попов-Бочоох ; [П. Н. Дмитриев-Туутук магнитофон. суруйтарыта, сурукка түһэриитэ уонна бэчээккэ бэлэмнээһинэ]. – Дьокуускай : Сайдам, 2009. – 224 с. (На якутском яз.)
44. Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро / эпп. ред. Н. И. Попова. – Дьокуускай : ГЧУО ААХНПИ, 2013. – 266 с. – (Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским). (На якутском яз.)
45. Кыыс Дэбилийэ : Якутский героический эпос. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На якутском и рус. яз.)
46. Айыы Дьурабаастай. Уордайа Хаан : олонхо / П. Е. Решетников ; сост. : А. Ф. Корякина, Ю. П. Борисов и др. – Якутск : Кытыл, Медиа-Холдинг Якутия, 2019. – 416 с. – (Серия «Олонхо современности»).
47. Аландаайы-Куландаайы. Олонхо / Е. Иванова тылыттан А. А. Дяхсиляхова суруйуута (1940) ; бэч. бэл. В. В. Илларионов. – Дьокуускай, 2021. – 284 с. (Рукопись)
48. Тимофеев-Теплоухов И. Г. Иэйэхсит сиэнэ эриэн таба аттаах Эрэбил Бэргэн / науч. ред. А. Е. Захарова. – Дьокуускай : РИО ДДН им. А. Е. Кулаковского, 2015. – 370 с. (На якутском яз.)
49. Нохсоров У. Г. Дыырай Бэргэн : олонхо / эпп. ред. Н. Н. Ефремов. – Дьокуускай : Бичик, 2009. – 334 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 6). (На якутском яз.)
50. Тойон Ньургун / И. М. Давыдов тылыттан Р. А. Кулаковской суруйуута ; редкол. : В. Н. Иванов уо. д. а. – Дьокуускай : Бичик, 2003. – 240 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 2). (На якутском яз.)
51. Хара дьоруо ааттаах Хара Ньургун бухатыыр / [А. Н. Кривошапкин тылыттан Е. Е. Лукин суруйуута ; отв. ред. П. Н. Дмитриев. – Дьокуускай : ГЧУО ААХНПИ НА СС, 2011. – 112 с. (На якутском яз.)
52. Оконешников И. Д. Тамаллаайы Бэргэн : олонхо / бэч. бэл. : А. А. Дмитриева, Н. А. Дьяконова. – Дьокуускай : Медиа-холдинг Якутия, 2012. – 320 с. (На якутском яз.)
53. Эрилик Эристиин. Буура Дохсун : олонхо. – Дьокуускай : Бичик, 1993. – 416 с. (На якутском яз.)
54. Сылгы уола Дыырай бухатыыр = Сын лошади богатырь Дыырай : олонхо / сказитель И. И. Бурнашев-Тон Суорун ; вступ. ст., коммент., указ. В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2013. – 371 с. – (Саха олонхото). (На якутском и рус. яз.)
55. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр / олонхоһут П. П. Ядрихинской-Бэдьээлэ тылыттан П. Н. Дмитриев-Туутук суруйуута. – Дьокуускай : Сайдам, 2011. – 448 с. (На якутском и рус. яз.)
56. Шараборин М. Т. – Кумаарап. Улуу Даарын бухатыыр : олонхо / бэч. бэл. В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. – Дьокуускай : Бичик, 2008. – 272 с. (На якутском яз.)
57. Оҕо Дьулаах Бухатыыр : олонхо / олонхоһут С. В. Петров-Чыычаах тылыттан М. Н. Иванов суруйуута (1937) ; бас ред. В. Н. Иванов. – Дьокуускай : Бичик, 2012. – 111 с. – (Саха олонхото). (На якутском яз.)

58. Көр Буурай : олонхо / [олонхоһут Н. С. Александров-Ынта Никиитэ]. – Дьокуускай : Бичик, 2014. – 333 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 13). (На якутском яз.)
59. Аар саарга аатырбыт ат курдук ааттаах Ааттаах Адаам Саар : олонхо / [олонхоһут И. Д. Павлов тылыттан Т. Т. Данилов суруйуута ; бэч. бэл. : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова]. – Дьокуускай : Дани-Алмас, 2018. – 248 с. (На якутском яз.)
60. Түмэн Түүрэй бухатыыр / Ф. Н. Тимофеев-Бизчэрэ тылыттан А. А. Саввин суруйуута (1939) ; бэч. бэл. : В. В. Илларионов, А. А. Кузьмина. – Дьокуускай, 2014. – 177 с. (Рукопись)
61. Хабытта Бэргэн : олонхо / К. Н. Никифоров-Лөкөчөөн ; редкол. В. Н. Иванов уо. д. а. – Дьокуускай : ХИФУ Издательской дьиэтэ, 2012. – 388 с. – (Саха олонхото). (На якутском яз.)
62. Хаан Дьаргыстай / зап. И. А. Худяков ; [подг. к печати В. В. Илларионов ; науч. ред. Т. В. Илларионова]. – Якутск : Алаас, 2016. – 232 с. (На якутском яз.)
63. Горохов М. Н. Кыыдааннаах Кыыс Бухатыыр : олонхо / [бэчээккэ бэлэмнээтилэр : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова, А. Н. Данилова]. – Якутск : Бичик, 2016. – 208 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 17). (На якутском яз.)
64. Көнтөстөй Бөгө. Сюжет № 51 // Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – Москва : Наука, 1980. – С. 200–203.
65. Орто Халыма олонхолоро / бэч. бэл. В. В. Илларионов уо. д. а. – Дьокуускай : Бичик, 2016. – 278 с. (На якутском яз.)
66. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. В 3 т. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. I. – 1280 стлб. ; Т. II. – 2508 стлб. ; Т. III. – 3858 стлб.
67. Захарова А. Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). – Новосибирск : Наука, 2004. – 312 с.
68. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1969. – 532 s. – (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; Bd 17, H. 1). (На немецком яз.)
69. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд : пратюркский период. – Москва : Вост. лит.-ра, 2007. – 222 с.
70. Сидоров Е. С. Очерки по олонхо. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2004. – 132 с.
71. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков : сб. ст. / отв. ред. Е. И. Убрятова. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 82–172.
72. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – Москва : Наука, 2006. – 908 с.
73. Сидоров Е. С. Н. Г. Тагров олонхотугар киири тыл // Омуннаах-төлөннөөх Уол Эр Соҕотох = Неистовый Эр Соҕотох / Н. Г. Тагров ; [сост. : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова, М. Н. Тагров]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. – 368 с.
74. Гюль Т. И. Образ верблюда в доисламском искусстве Средней Азии (культово-религиозный аспект) // Народы и религии Евразии. – 2020. – № 1. – С. 117–130.
75. Lvova S. D. Biomorphie images of comparison in Yakut Olonkho and other Turkic epics of Siberia // Agathos : An International Review of the Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 11. – Iss. 2. – Pp. 133–149. (На англ. яз.)
76. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта : в 15 т. Т. IX : (Буква С – сөллөй – сээн, Ы) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2012. – 630 с.
77. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта : в 15 т. Т. VI : (Буквы Л, М, Н) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2009. – 519 с.
78. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта : в 15 т. Т. XII : (Буквы У, У) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2015. – 598 с.
79. Толковый словарь якутского языка / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 680 с. (Буква А).
80. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта : в 15 т. Т. IV : Буква К / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007. – 672 с.
81. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта : в 15 т. Т. VIII : (Буква С – сөллөбөр) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2011. – 572 с.
82. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта : в 15 т. Т. X : (Буква Т : т – төһүүлээ) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013. – 575 с.

83. Бутанаев В. Я. Саяно-алтайская языковая общность // Этнокультурные взаимодействия в Евразии : пространственные и исторические конфигурации : материалы Международной научной конференции. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. – С. 32–46.
84. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. Т. XIII : (Буква Х) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2016. – 639 с.
85. Захарова А. Е. Мантика и магия в олонхо // Научный архив НИИ Олонхо СВФУ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Ед. хр. 34. – Энциклопедия Олонхо (рукопись, 2017). – С. 290–291.
86. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. Т. XI : (Буква Т : төтөллөөх – тээтэннээ) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2014. – 528 с.
87. Гоголев А. И. Происхождение народа саха и его традиционной культуры. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. – 256 с.

References

1. Seroshevsky V. L. Yakuts. Ethnographic research experience. 2nd ed. Moscow, Russian political encyclopedia, 1993, 736 p. (In Russ.)
2. Ksenofontov G. V. Yakuts Uraanghai. Essays on the ancient history of the Yakuts. Vol. 1. Yakutsk, Book Publ. House, 1992, 415 p. (In Russ.)
3. Oiunsky P. A. Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content. Yakutsk, Saidam Publ., 2013, 94 p. (In Russ. and Eng.)
4. Okladnikov A. P. History of the Yakut ASSR. Vol. 1: Yakutia before joining to the Russian state. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1955, 432 p. (In Russ.)
5. Sleptsov P. A. Olonkho language: vocabulary, semantics. In: Stages and problems of Yakut linguistics. Yakutsk, IHRISN SB RAS Publ., 2008, pp. 337–353. (In Russ.)
6. Betlingk O. N. On the Yakut language. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 644 p. (In Russ.)
7. Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkisprachen. Saint Petersburg, Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1908, 86 p. (In German)
8. Ubryatova E. I. The Yakut language in its relation to other Turkic languages, as well as to the Mongolian and Tungus-Manchurian languages. Moscow, Oriental literature Publ., 1960, 13 p. (In Russ.)
9. Kaluzynsky St. Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache. Warszawa, Panstwowe wydawnictwo Publ., 1961, 170 p. (In German)
10. Kaluzynsky St. Yakutika. Prace jakutozawcze. Warszawa, Wydawnictwo Akademickie Dialog Publ., 1995, 406 p. (In Polish and Eng.)
11. Rassadin V. I. Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages. Moscow, Nauka Publ., 1980, 116 p. (In Russ.)
12. Rassadin V. I. Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community. Saint Petersburg, Nestor-History Publ., 2019, 608 p. (In Russ.)
13. Korkina E. I. The Northeastern dialect zone of the Yakut language. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 267 p. (In Russ.)
14. Antonov N. K. Materials on the historical vocabulary of the Yakut language. Yakutsk, Publ. House, 1971, 174 p. (In Russ.)
15. Antonov N. K. Research on the historical vocabulary of the Yakut language: phonetic features of nominal bases. Yakutsk, NEFU Publ., 2019, 303 p. (In Russ.)
16. Popov G. V. Words of “unknown origin” of the Yakut language (Comparative and historical research). Yakutsk, Publ. House, 1986, 148 p. (In Russ.)
17. Popov G. V. Etymological dictionary of the Yakut language. Part 1: A–Dj. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, 180 p. (In Russ.)
18. Shirobokova N. N. The relation of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 268 p. (In Russ.)
19. Ivanov S. A. Akanye and okanye in the dialects of the Yakut language. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1980, 182 p. (In Russ.)
20. Ivanov N. M. Mongolisms in the toponyms of Yakutia. Yakutsk, IHRISN SB RAS Publ., 2001, 162 p. (In Russ.)

21. Levin G. G. Historical connection of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the VII–IX centuries (in a comparative aspect with the Eastern Turkic and Mongolian languages). Yakutsk, NEFU Publ., 2013, 439 p. (In Russ.)
22. Shamaeva A. E. Mongolian parallels of the dialect vocabulary of the Yakut language. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Yakutsk, 2012, 270 p. (In Russ.)
23. Shamaeva A. E., Prokopenko S. M. Mongolian loanwords in the figurative words of the Yakut language (illustrated by verbs of body parts). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018, no. 7, pp. 462–471. (In Eng.)
24. Shamaeva A. E., Prokopenko S. M. Concept analysis of Yakut figurative verbs with mongolian parallels. *The Turkish Online Journal of Design Art and Communication*. 2018, September, Special edition, pp. 1778–1785. (In Russ.)
25. Malysheva N. V., Starostina Ya. E. Lexical and semantic peculiarities of the appellative units of Yakut and Mongolian languages (on materials of the cognitive “symptoms of ponds and streams”). *Baltic Humanitarian Journal*. 2018, vol. 7, no. 2, pp. 59–63. (In Russ.)
26. Malysheva N. V., Bozhedonova A. E., Starostina Ya. E. Yakut and Mongolian lexical parallels, indicating the names of the colors horses. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS*. 2018, vol. 11, no. 2, pp. 102–109. (In Russ.)
27. Malysheva N. V., Bozhedonova A. E., Starostina Ya. E. Comparative analysis of the Yakut-Mongolian parallels (the case of the horse coat color). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018, vol. 7, no. 3, pp. 233–244. (In Eng.)
28. Starostin Ya. E. Lexical and semantic features of the appellative units of the Mongolian and Yakut languages. *Philology. Theory & Practice*. 2016, no. 10-1, pp. 151–154. (In Russ.)
29. Bozhedonova A. E. Mongolian borrowings in the names of the colors of horses of the Yakut language. In: Comparative study of the Turkic and Mongolian languages. Materials of the International scientific and practical conference (Yakutsk, October 18–19, 2018). Yakutsk, NEFU Publ., 2018, pp. 36–45. (In Russ.)
30. Afanasyeva E. N. Historical connections of the vocabulary of the Yakut language: actual problems. In: Heritage of ancestors and the modern Turkic world: linguistic and cultural aspects. Materials of the II International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the famous Yakut scientist-turkologist Nikolai Klimovich Antonov. Yakutsk, NEFU Publ., 2020, pp. 19–28. (In Russ.)
31. Tenishev E. R. On methods and sources of comparative historical research of Turkic languages. *Soviet turkology*. 1973, no. 5, pp. 119–124. (In Russ.)
32. Anisimov R. N., Bozhedonova A. E., Borisov Yu. P., Gerasimova L. N., Zhirkova E. E. Archaisms and obsolete words of the olonkho language. Database. Certificate of registration of the database 2020622202 dated 09.11.2020. (In Russ.)
33. Oiunsky P. A. Nurgun Bootur the Swift: olonkho. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat Publ., 2003, 543 p. (In Yakut)
34. Govorov D. M. Invincible Muldu Bege: in 2 books. Yakutsk, Bichik Publ., 2010; book 1, 480 p.; book 2, 320 p. (In Yakut and Russ.)
35. Savvin M. I. Myuldzhyuet Bege: olonkho. Yakutsk, Bichik Publ., 2014, 520 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 14). (In Yakut)
36. Zakharov T. V. – Cheebiy. Ala Bulkun bogatyr. Yakutsk, Alaas Publ., 2018, 520 p. (In Yakut and Russ.)
37. Poryadin A. S. Yuryung Yuedyueen: olonkho. Yakutsk, NEFU Publ., 2013, 360 p. (In Yakut)
38. Abramov N. A. – Kynat. Nyurgun Bege: olonkho. Yakutsk, Bichik Publ., 2011, 512 p. (In Yakut)
39. Yakovlev N. P. – Kuruuppa Oiun. Daadar Khara: olonkho. Yakutsk, NEFU Publ., 2013, 296 p. (In Yakut)
40. Alekseev R. P. Alaatyur Ala Tuigun: olonkho in 3 parts. Part 1. Yakutsk, Bichik Publ., 2002, 354 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 1). (In Yakut)
41. Alekseev A. N. Khangalas Bootur: olonkho. Yakutsk, NEFU Publ., 2014, 320 p. (In Yakut)
42. Timofeev-Teploukhov I. G. The Obstinate Kulun Kullustuur: olonkho. Moscow, The Main editorial office of Oriental literature, 1985, 607 p. (In Yakut and Russ.)
43. Popov V. N. – Bochookh. Yuelen Kyrdzhyt: olonkho. Yakutsk, Saidam Publ., 2009, 224 p. (In Yakut)
44. Tales of the Djulei nasleg. Edited by N. I. Popova. Yakutsk, IHRISN SB RAS Publ., 2013, 266 p. (Samples of folk literature collected by E. K. Pekarsky). (In Yakut)
45. Kyys Debiliie: Yakut heroic epic. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 330 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East). (In Yakut and Russ.)

46. Reshetnikov P. E. *Aiyy Dzhuragastai*. Uordaia Khaan. Yakutsk, Kytyl, Media Holding Yakutia Publ., 2019, 416 p. (In Yakut)
47. Ivanova E. *Alandaaiy-Kulandaaiy: olonkho*. Prepared for publication by V. V. Illarionov. Yakutsk, 2021, 284 p. (Manuscript). (In Yakut)
48. Timofeev-Teploukhov I. G. *Ieiekhsit Siene Erien Taba attakh Erebil Bergen*. Scientific ed. by A. E. Zakharova. Yakutsk, A. E. Kulakovskiy RIO DDN Publ., 2015, 370 p. (In Yakut)
49. Nokhsorov U. G. *Dyyrai Bergen: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2009, 334 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 6). (In Yakut)
50. Davydov I. M. *Toion Nyurgun: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2003, 240 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 2). (In Yakut)
51. Krivoshapkin A. N. *Khara Dzhoruo aattaakh Khara Nyurgun Bukhatyyr: olonkho*. Yakutsk, IHRISN SB RAS Publ., 2011, 112 p. (In Yakut)
52. Okoneshnikov I. D. *Tamallaiy Bergen: olonkho*. Yakutsk, Media Holding Yakutia Publ., 2012, 320 p. (In Yakut)
53. Erilik Eristiin. *Buura Dokhsun: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 1993, 416 p. (In Yakut)
54. Burnashev I. I. – Tong Suorun. *Son of a Horse Bogatyr Dyyrai: olonkho*. Yakutsk, NEFU Publ., 2013, 371 p. (In Yakut and Russ.)
55. Yadrikhinskii P. P. – Bedjeele. *Dzhyrybyna Dzhyrylyatta kyys bukhatyyr: olonkho*. Yakutsk, Saidam Publ., 2011, 448 p. (In Yakut and Russ.)
56. Sharaborin M. T. – Kumaarap. *Uluu Daaryn bukhatyyr: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2008, 272 p. (In Yakut)
57. Petrov S. V. – Chyychaakh. *Ogo Dzhulaakh Bukhatyyr: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2012, 111 p. (In Yakut)
58. Aleksandrov N. S. – Ynta Nikiite. *Ker Buurai: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2014, 333 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 13). (In Yakut)
59. Pavlov I. D. *Aar saarga aatyrybt at kurduk aattaakh Adaam Saar: olonkho*. Yakutsk, Dani-Almas Publ., 2018, 248 p. (In Yakut)
60. Timofeev F. N. – Biechere. *Tyumen Tyuyurei bukhatyyr: olonkho*. Prepared for publication by V. V. Illarionov, A. A. Kuzmina. Yakutsk, 2014, 177 p. (Manuscript). (In Yakut)
61. Nikiforov K. N. – Lekecheen. *Khabytta Bergen: olonkho*. Yakutsk, NEFU Publ., 2012, 388 p. (In Yakut)
62. Khaan Dzhangystai: *olonkho*. Recorded by I. A. Khudyakov. Yakutsk, Alaas Publ., 2016, 232 p. (In Yakut)
63. Gorokhov M. N. *Kyydaannaakh Kyys bukhatyyr: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2016, 208 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 17). (In Yakut)
64. Kentestei Bege. Plot no. 51. In: Emelyanov N. V. *Plots of Yakut olonkho*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 200–203. (In Russ.)
65. *Olonkho of Srednekolymsk*. Prepared by V. V. Illarionov and etc. Yakutsk, Bichik Publ., 2016, 278 p. (In Yakut)
66. Pekarskii E. K. *Dictionary of the Yakut language*. In 3 vol. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, Vol. I, 1280 col.; Vol. II, 2508 col.; Vol. III, 3858 col. (In Yakut and Russ.)
67. Zakharova A. E. *Archaic ritual and ceremonial symbolism of the Sakha people (based on olonkho materials)*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 312 p. (In Russ.)
68. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen*. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura Publ., 1969, 532 p. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; Bd 17, H. 1). (In German)
69. Dybo A. V. *Linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund: the pre-Turkic period*. Moscow, Oriental literature Publ., 2007, 222 p. (In Russ.)
70. Sidorov E. S. *Essays on olonkho*. Yakutsk, Yakut State University Publ. House, 2004, 132 p. (In Russ.)
71. Sherbak A. M. *Names of domestic and wild animals in the Turkic languages*. In: *Historical development of the vocabulary of the Turkic languages: a collection of articles*. Ed. by E. I. Ubryatova. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, pp. 82–172. (In Russ.)
72. *Comparative historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language – the basis. The picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to language data*. Edited by E. R. Tenishev, A. V. Dybo. Moscow, Nauka Publ., 2006, 908 p. (In Russ.)

73. Sidorov E. S. Introductory word to olonkho of N. G. Tagrov. In: Omunnaakh-telenneekh Uol Er Sogotoh. Yakutsk, NEFU Publ., 2012, 368 p. (In Yakut)
74. Gul T. I. The image of the camel in the Islamic art of Central Asia (cult and religious aspect). *Peoples and Religions of Eurasia*. 2020, no. 1, pp. 117–130. (In Russ.)
75. Lvova S. D. Biomorphhic images of comparison in Yakut Olonkho and other Turkic epics of Siberia. *Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences*. 2020, vol. 11, iss. 2, pp. 133–149. (In Eng.)
76. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. IX. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 630 p. (In Yakut and Russ.)
77. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. VI. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 519 p. (In Yakut and Russ.)
78. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. XII. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2015, 598 p. (In Yakut and Russ.)
79. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. I. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 680 p. (In Yakut and Russ.)
80. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. IV. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007, 672 p. (In Yakut and Russ.)
81. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. VIII. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 572 p. (In Yakut and Russ.)
82. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. X. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 575 p. (In Yakut and Russ.)
83. Butanaev V. Ya. Sayano-Altai linguistic community. In: Ethnocultural interactions in Eurasia: spatial and historical configurations. Materials of the International scientific conference. Barnaul, Publ. House of the Altai State University, 2012, pp. 32–46. (In Russ.)
84. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. XIII. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 639 p. (In Yakut and Russ.)
85. Zakharova A. E. Mantics and magic in olonkho. In: Scientific archive of the Olonkho Research Institute of the NEFU. F. 1, inv. 3, storage unit 34, Olonkho Encyclopedia (manuscript, 2017), pp. 290–291. (In Russ.)
86. Large Explanatory Dictionary of the Yakut language. In 15 vol. Vol. XI. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, 528 p. (In Yakut and Russ.)
87. Gogolev A. I. The origin of the Sakha people and their traditional culture. Yakutsk, NEFU Publ., 2018, 256 p. (In Russ.)